

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

В. КОТВИЧ

ИЗ ПОУЧЕНИЙ ЧИНГИС-ХАНА

Номады, находившиеся в самых примитивных условиях быта и в состоянии полного политического ничтожества и вдруг с головокружительной быстротой, неожиданно для себя, возведенные Чингис-ханом и его сподвижниками на ступень повелителей всей почти Азии и части Европы... какими побуждениями они руководствовались в разных фазах своей столь необычной политической карьеры, к чему были направлены их помыслы, в чем заключались их заветные чаяния? Ответы на эти вопросы может дать не только изучение всей совокупности исторических фактов. Литературные памятники сохранили нам собственные признания Чингис-хана и ближайших его помощников. И как бы эти признания, в дошедшей до нас форме, ни были украшены позднейшей традицией, в них, несомненно, отражается историческая истина: полное соответствие тогдашней обстановке — их характерная черта. Монголы, в связи с изменившимися условиями существования, старались и сами дать себе отчет в своем новом положении, пересмотреть свои прежние взгляды на счастье человека на земле, разрешить вопрос о том, к чему должны быть направлены их усилия.

Персидский историк Рашид-ад-дин в своем «Сборнике летописей», составленном в самом начале XIV в., сохранил нам рассказ о беседе Чингис-хана с его полководцами на тему о том, в чем состоит наслаждение и ликование человека (перевод И. Н. Березина в «Трудах Восточного Отделения И. Р. Арх. Общ.», ч. XV, стр. 131). Из этого рассказа видно, что условия бурной боевой жизни положили резкий отпечаток на воззрения кочевника-охотника, каким был ранее монгол, заставили его искать наслаждения прежде всего в самом процессе преодоления преград, стоявших на пути к мировому владычеству. Но вот противники уничтожены, никто более не оспаривает господства, — что же дальше? Рассказ Рашид-ад-дина нам ничего не говорит об этом.

Но ответ, достаточно ясный и красноречивый, дает нам другой рассказ аналогичного содержания, который сохранила нам монгольская письменность и который, вероятно, имеет связь с версией Рашид-ад-дина. Это беседа Чингис-хана с его сыновьями, которая включена в «Поучения Чингис-хана его младшим братьям и сыновьям». Поучения эти известны нам в двух немного различающихся между собою вариантах, из которых один был издан еще в 1836 г. в монгольском тексте А. Поповым в его «Монгольской хрестоматии», а другой — Ц. Жамдарано отдельной брошюр-

кой в 1915 г. в Урге. Это один из немногих образцов монгольского эпического творчества, записанный, повидимому, в очень давнюю пору. Ниже мы помещаем перевод интересующей нас части этого памятника, отдавая предпочтение варианту, изданному А. Поповым.

Чингис-хан спросил у своих сыновей: — «Какое празднество ¹⁾ выше всех празднеств? Какое наслаждение выше всех наслаждений?»

На это Чагатай сказал: — «Если устроить счастливое празднество и пировать по случаю того, что минует старый год и ему на смену приходит новый, — это и будет высшее празднество». — Но Чингис-хан промолвил: — «Это ваше празднество не есть настоящее празднество. Ведь в то время, когда младенец еще не родился, и ему не дано имени; когда он еще не вышел из утробы и не увидел света, — кому же будет нарекаться имя, чье начало будет праздноваться впервые? Если же впоследствии вы будете праздновать и наслаждаться, вспоминая день, когда вы получили начало от отца и родились от матери, то это будет подлинное празднество».

Чагатай сказал: — «По моему мнению, если подавить врага, разгромить наездника, расторгнуть сговоренных, заставить верблюдицу реветь по верблюжатам и привести с собой добычу, — это будет высшее удовольствие».

Джучи сказал: — «На мой взгляд, высшее удовольствие — разводить многочисленные табуны лошадей, пускать взапуски многочисленных двухлеток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами».

Угэдэй сказал: — «Я полагаю, что лучшее из наслаждений будет в том случае, если обеспечить благоденствие великому государству, созданному трудами нашего отца-хана, положить ноги на почву и руки на землю ²⁾, предоставить своему собственному народу жить в ставке, держать в порядке дела государственного управления, дать возможность наслаждений старейшинам и начальникам и обеспечить спокойствие подрастающей молодежи».

Тулуй сказал: — «По моему мнению, высшее блаженство заключается в том, чтобы тренировать своих аргамаков, бродить по глубоким озерам, спуская своих старых ястребов, и устраивать охоту на птиц, ловя серых уток».

Чингис-хан сказал: — «Джучи и Тулуй, вы оба говорите речи маленьких людей. Чагатай ходил вместе со мной на врагов и потому говорит такие слова. Однако, когда относились с пренебрежением к чужим, то не раз являлись причиной плача своих жен. Когда относились с пренебрежением к рыбе харпусу, то не раз были случаи, что он ранил до боли ладонь руки. Слова же Угэдэя — вполне правильны».

¹⁾ Монгольское слово *хурим* означает празднество и соединенное с ним пиршество.

²⁾ Это образное выражение, характеризующее спокойную жизнь (повидимому, в противоположность боевой жизни на коне).

Этим и кончается беседа Чингис-хана с его сыновьями, из которых он, как известно, своим преемником наметил Угэдэя, изложившего программу мирного устройства государства. В тех же «Поучениях Чингис-хана» имеется краткое изложение своих взглядов и самим монгольским завоевателем. Вот приписываемые ему слова:

Чингис-хан сказал:—«Если дела государственного управления находятся в порядке, если владыка государства — мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить не унижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здравствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий вечный дух вселенной, — то в этом и будет заключаться его несравненное великое блажепство».

Вл. Котвич

